

Когда забиваешь в Гугл имя своего первого любимленного, то делаешь это не просто так — это реакция на стук: ты слышишь его вечером, засыпая, а еще сильнее — утром, разглядывая в зеркале глубокую вертикальную складку между бровями. Ты пытаешься понять, откуда этот стук доносится — снаружи / изнутри? Где он возникает — на чердаке / в черепной коробке? Но все напрасно, разгадать секрет не удастся.

Стук нарушает мой покой все чаще, его послания становятся все запутанней, вот и сейчас — в январе, поздним пятничным вечером — он снова здесь. Дети сегодня взвинченные, совсем измотанные — они всегда такие, если целую неделю ходили в садик; весь вечер они ссорились и ревели по очереди, а когда пришло время укладываться, орал как сумасшедшие. Наконец-то оба уснули, и в доме наступила тишина, даже собака словно оцепенела на подстилке под письменным столом, я долго смотрю на ее черную лохматую шерсть — жду движения грудной клетки; я делаю вдох, и стук нарастает. Сначала короткие удары, потом, изредка — длинные. Рисую в блокноте точки — тире. В азбуке Морзе я разбираюсь не особо, но вглядываюсь в таблицу так долго и упорно, что сигналы в конце концов обретают смысл.

Ну хоть какой-то. ДЫМ. ВРЕМЯ. ДИТЯ. Как-то так. (Возможны были варианты: ЛЬЦХ. ТДИА. ЦРНЕ или ЕТИНАКСИ. МЕСА. ТЯДИ. Таких слов, кажется, нет ни в одном языке, поэтому остаюсь при своем мнении: Дым. Время. Дитя.) Тихо. Муж, наверное, у себя в комнате разгребает электронную почту, скопившуюся за неделю, он всегда занимается этим по пятницам, если ему не нужно на работу; ближе к полуночи я услышу его радостный крик: «Выходные!» Мы уже давно собираемся куда-нибудь вместе выбраться. Куда-нибудь. Но — то у него нет времени, то у меня. «Дым-время-дитя!» — проносится у меня в голове. Я захлопываю блокнот, закрываю вордовский файл и открываю новое окно. В поисковой строке забиваю имя Петра — имя моего первого возлюбленного.

Возможно, я не найду ничего и разочарованно брошу это дело. А может, наоборот, — попадет информация о жене и детях. А почему бы, собственно, ему и не жениться? Я даже готова увидеть фотографии. Но только не это. Только не это. А ведь Петр намекал на что-то подобное уже в ночь нашего знакомства. Он говорил, что человеку не дано летать и что его это бесконечно огорчает. Потом заговорил о падениях, а потом вдруг — об уходе. Я переспросила: «При чем тут уход?», и он ответил: «Один шаг, один-единственный шаг в пустоту, и всё, порядок». Он раскинул руки, словно приготовился взлететь, посмотрел на меня и улыбнулся. В комнату входит муж, он не постучал, не позвал меня по имени, такое редко случается, обычно только в разгар ссоры, когда он по-настоящему рассержен, возмущен или взволнован. «Ты занята?» — спрашивает он. «Нет», — отвечаю я, умолчав: «Я только что узнала о смерти Петра».

— Да ты задыхаешься, — говорит он.

— Да я... с чего бы? Сижу целыми днями.

— Может, поэтому... — Он запнулся. Кажется, хочет что-то сказать. Набирает в грудь воздуха, потом поспешно отворачивается и прислушивается, к чему — непонятно. Закрывает дверь.

«Что-то случилось?» — кричу я вдогонку, но он отвечает: «Ничего срочного». Дверь захлопывается.

Я выдвигаю ящик с открытками и тут же захожу, что искала. Огромный бородатый Христофор в коричневых одеждах, ноги непропорционально длинные, на плече — крошечный, словно игрушечный Спаситель. На оборотной стороне надпись: *«Изображение святого Христофора (около 1400 г.) в церкви Святого Петра в Мистайле»*.

Я провожу пальцем по одеждам Христофора, цепляюсь за коричневый подол, закрываю глаза и уношусь мыслями в прошлое. В те дни, когда все было в первый раз. Стоит зима, наша первая зима. 1992 год. Мы с Петром приехали на рождественские каникулы в гости к родителям Марка, в горы.

Снежинки падают, если влажность подходящая, так же быстро, как идет человек. У меня нет зимней обуви, а уж тем более сапог для долгой прогулки по снегу. Есть только лодочки на каблуках, я их ношу круглый год. Нарезаю в них километры, даже если болят ноги. В университете же нет снега. Эльфи смотрит на мои туфли. «Детка, ты понимаешь, куда приехала?» Я киваю: «Да, в Ленцерхайде». Сын Эльфи Марк и его подружка Лиза посещают те же семинары, что и я, и они тоже изо дня в день носят одну и ту же обувь, правда, в отличие от меня — ту-

ристокские ботинки. А здесь, в коридорчике рядом со входной дверью, они надевают сапоги до колен, на теплой подкладке и только что намазанные кремом, как заявил мне Марк, глядя на мои лодочки. «Ну, тогда я останусь дома», — я уже посматриваю на открытый огонь в камине, на кресло-качалку из ротанга, на овчину, которую накинула на него Эльфи, и на Урса — называю его так, не помню, как его звали на самом деле, — он полностью погрузился в книжку по истории и даже не слышит, о чем это мы. Сидит в черном кожаном кресле, с книгой на коленях, и беспрестанно сдвигает очки вверх, туда, где когда-то были волосы. Но очки все равно все время сползают. «Мифы о Швейцарии. Идентичность — Нация — История. 1291–1991». Эту книжку ему подарили на прошлое Рождество. Марк подозревает, что Урс учит ее наизусть. Сегодня 31 декабря. Начало второй половины дня. Вечером будет фондю.

— Но его еще нужно заработать, — говорит Эльфи и достает с буфета очки и брошюрку с кроссвордами.

— Заработать? — Я думаю о деньгах, ведь их у меня нет.

— Да, — поясняет Эльфи, — нужно сходить в Мистайл, к церкви Святого Петра.

— Она хочет, чтобы мы убрались из дома, — переводит мне ее сын, обнимает свою Лизу и осыпает ее поцелуями. Петр снимает с деревянного крючка пуховик и одевается. Садится на корточки и зашнуровывает ботинки «Тимберленд». На Рождество он подарил мне маленькую книжечку — *Dialogue in the Void**. Книжка на ан-

---

*Диалог в пустоте (англ.). (Здесь и далее — примеч. перев.)

глийском, мне нужны словарь и время, чтобы с ней разобраться. «Пойдем с нами», — говорит Петр. Я смотрю на камин. Овчина манит. На полке стоит словарь. «Пойдем, ты им здесь не нужна». Эльфи машет брошюровкой в его сторону. «Ах, вот ты какой, я этого не говорила!» Эльфи поднимает глаза на Петра, его рост — метр девяносто два. А ее Урс, которого, может, и не так зовут, но все равно как-то похоже, — всего метр семьдесят два, их сын Марк — выше лишь на три сантиметра, а сама она — ниже Петра на две головы. «На тебя можно смотреть снизу вверх», — говорит она медленно и торжественно, откидывает голову назад и закрывает глаза. Петр принадлежит к старинному роду, семья у него богатая, истинный размер их состояния известен лишь очень узкому кругу, а генеалогическое древо насчитывает больше семи веков. Эльфи это *сразу почувствовала* — так она позже заявила. «Да что-о-о ты!» — воскликнула она, когда Марк сдал гостя за первым же совместным ужином: «Вот этот вот — богач с рождения». Петр открыл рот, уставился на свой бутерброд, откусил и принялся жевать. Все посмотрели на меня. Ждали подтверждения. Я отхлебнула свежавыжатого яблочного сока с мякотью, приготовленного Эльфи, и сделала вид, что поперхнулась. Петр никогда не предлагал мне денег на зимнюю одежду или обувь. Да я бы и не взяла.

«Ну, пойдем уже», — в один голос кричат Петр, Марк и его Лиза, они полностью готовы к выходу. Эльфи кладет брошюровку с кроссвордами на овчину и выдает мне сапоги из тюленей кожи: «Вот, возьми, они очень теплые». Сапоги из тюленей кожи! Такие, должно быть,

наши матери в семидесятых годах носили. Настоящие серебристые сапоги из тюленей кожи!

— Малы, — говорю я.

— Тридцать восьмой размер.

— У меня тридцать девятый.

— Они большемерки.

Все с интересом наблюдают, как я засовываю правую ногу в сапог, и едва я успеваю застегнуть замок, дружно галдят: «Ну видишь. Подходят. Отлично». — «Жмут», — жалуясь я, но они уже на улице — Петр, Марк и Лиза, играют в снежки, а Эльфи говорит на прощанье: «Тебе толстые носки и не нужны, сапоги сами по себе теплые». Она закрывает дверь. Снежок летит мне прямо в левый глаз, гром и молния! Петр кричит: «Извини!» И вот уже следующий снежок в мою сторону. «Давай, давай, — Марк хлопает в ладоши, — пошли, пошли!» Петр в два шага оказывается рядом со мной, хватая в охапку и взваливает на плечо. Кряхтит: «Что ты такое ела, в тебе же минимум тонна». Марк берет свою Лизу на закорки, ржет и уносится с ней галопом. Петр, задыхаясь, спешит со своей тонной следом, вниз по тропинке к деревенской улице, отбрасывает голову назад и уже через двести метров, даже не добравшись до перекрестка, картинно валится вниз, грохает меня при этом навзничь и приземляется сверху. Мы дружно стонем. «Где же эта церковь?» — спрашиваю я, а Петр смеется. «Марк, — кричим мы, — еще далеко?»

— Нет, — отвечает Марк, — церковь и правда уникальная, стоит того, чтобы пару километров пройти.

— Пару километров?

— Да я уже ребенком туда ходил, не бойтесь, это так, небольшая прогулка под горку.

У меня болят ноги. Сапоги слишком короткие и слишком узкие. Замки я расстегнула, но ноги все равно будто в стальных тисках. Я чувствую, как в подъеме мой пульс бьется о неподатливую тюленью кожу. На деревенской улице мы с трудом продвигаемся вперед мимо многочисленных отелей и спортивных магазинов в толпе любителей зимнего спорта — их здесь сотни — все в лыжных ботинках и с лыжами на плечах. Стоит кому-то повернуться, как впереди или позади идущим достается лыжами по голове, слышатся возмущенные крики и взрывы смеха, порой одно вслед за другим. Я держусь вплотную за Петром, уставившись на его пятки, и, сжав зубы, считаю шаги, словно надеясь облегчить давление на мои бедные ноги. От края деревни Марк ведет нас по узенькой улочке вдоль молочной фермы; лает собака, захлебывается, беснуется, чуть не срываясь с цепи. Пройдя ферму, мы выходим на тропу туристского маршрута.

Останавливаемся, я хватаюсь за рукав Петра, он, ни слова не говоря, присаживается на корточки и подставляет мне спину, я решительно запрыгиваю, обхватываю его сзади — «только не задуши». Лиза кричит: «Тпру, тпру, стой, лошадка, стой!» Марк подчиняется, и она взбегает на него.

Мужчины сетуют, что люди мало ходят гулять и тропинки так плохо утоптаны. Взвалив нас на спины, они идут рядом друг с другом и при каждом шаге погружаются в снег по колено. Пройдя всего несколько метров, они уже шатаются от напряжения, но все-таки проносят нас мимо лесопилки и столярной мастерской, мимо поля для гольфа и вниз, до пастбища, где дорожка неожиданно сворачивает в

лес. «Я больше не могу», — выдыхает Петр. «Ну наконец-то», — отзывается Марк. Кряхтя, они ссаживают нас у опушки леса и падают в сугроб, раскинув руки-ноги в стороны. Мне хочется снять сапоги из тюленьей кожи, чтобы посмотреть, как там мои ноги — я их совсем не чувствую. «Не вздумай, — предупреждает Петр, — после не наденешь». А потом подмигивает и показывает в небо. Идет снег.

За лесным лугом дорожка уже больше не просматривается. Снег глубокий, жесткий и пористый из-за дневных дождей и ночных морозов, мы проваливаемся с треском выше колен, и снег тут же замерзает под нашей тяжестью. Меня хватило ровно на 123 шага, потом я стащила сапоги, водрузила их на руки и пошла дальше прямо в заледеневших носках, ноги ничего не чувствуют — но они свободны! Первые несколько шагов были самыми приятными шагами за всю мою жизнь. И снова я как заведенная принялась считать, и снова дошла до ста двадцати трех. От холода ступни заоченели еще сильнее, чем от боли, я попыталась пошевелить пальцами, но ничего не почувствовала, лишь отвратительная судорога пробежала по ногам, хотелось упасть на колени. «Мы почти пришли», — крикнул Марк, он был уже чуть впереди, а Петр, остановившись в двух шагах передо мной, отозвался: «Марк, признайся, ты понятия не имеешь, где мы!»

Марк ответил, что знает этот лес с детства, снег ему не помеха, он и с закрытыми глазами дорогу найдет.

Петр обернулся ко мне: «Хорошо здесь! Пойдем, присядем». И кротко улыбнулся. Я посмотрела на него и засомневалась, всерьез он или шутит — так часто бывало. «Останемся здесь».

И свалился в снег, словно пронзенный пулей. «Ложись ко мне! Здесь не так уж и холодно». Марк и Лиза ушли дальше, их уже не видно. Время шло, и Петр перестал отвечать. Я с трудом поднялась и в оледеневших носках бросилась к нему, схватила за руку, подняла и потащила за собой, сквозь поземку, стараясь держаться глубоких следов, оставленных Марком и Лизой, хоть и не была уверена, что они выведут нас из этого леса к жилью. Должно быть, именно тогда у меня с руки и свалился правый сапог. Я заметила пропажу, только когда мы наконец-то — казалось, несколько часов прошло — очутились перед церковью Святого Петра в Мистайле.

Марк дергал дверь. Бросался на нее. Обрушивался всем телом, крича и проклиная — и надо сказать, получалось у него потрясающе, но в конце концов сдался: руки невыносимо болели. Лиза, не отрываясь, смотрела в пол. Я попыталась поймать взгляд Петра, но тот стоял несколько в стороне и внимательно наблюдал. Потом хлопнул Марка по спине как старший товарищ (разница в четыре года): «Пошли! Посмотрим...»

— Что посмотрим? — Марк растирал руку.

— Может, окно где открыто.

— Глупости, — проворчал Марк, — в церкви окна не бывают открыты.

Но все же пошел смотреть. Вслед за Петром мы обошли церковь. Снег теперь падал густыми хлопьями, тяжелым грузом ложась на наши шапки, и за считанные мгновения превратил нас в седовласых старцев, причем Петр выглядел солиднее всех — у него была шапка с опущенными ушами и лицо замотано шарфом, поэтому получились белые колышущиеся волосы

и окладистая борода. «Апостол Петр», — пошутила я. «Жирная корова», — тут же получила в ответ.

Мы стоим у маленькой, похожей на капеллу пристройки и смотрим на сотни — я пытаюсь сосчитать, — тысячи аккуратно сложенных останков: бедренные кости и черепа, гладкие и чистые, покоятся в безупречном порядке, словно запасы дров, какие здесь у каждого дома.

«*Мы те, кем вы будете, вы те, кем мы были*», — значит на деревянной табличке, прикрепленной посреди костей.

— Смотри, костница, — шепчет Петр.

— Ты что шепчешь, они ж тебя не слышат, — нарочито громко говорит Марк, и они смеются.

Я хватаю Петра за руку. Мои бедные ноги! «*Может, уже пойдём?*»

Лиза с ужасом смотрит на мои носки.

«*Все в порядке, просто я больше ничего не чувствую*».

Эльфи передала мне через Урса, что ее очень огорчила утрата сапога. Она закрылась на кухне — готовила фондю — и пожелала, чтобы ее не беспокоили. А нам пока предлагалось накрыть стол, подготовить горелку для подогрева и нарезать хлеб. Впятером мы справились с заданием в мгновение ока и стояли вокруг стола, не зная, за что приняться. Урс откашлялся:

— Эльфи очень огорчила утрата сапога.

— Мне правда очень жаль.

— Что ей теперь с одним сапогом делать? Сапог без пары — никому не нужен, излишен, ничтожен, просто смешон.

Марк внимательно выслушал отца, кивнув после слов «не нужен» и «смешон». Я тоже кивнула и посмотрела на Петра, тот пытался спра-

виться с зевотой. Напрасно. «Это все тепло, — извинился он, — и люцернский кофе». Но Урс его не слышал. «В свое время эти сапоги стоили целое состояние. Я подарил их ей, подожди-ка, да, двадцать три года назад, когда мы в первый раз приехали сюда вместе». Урс весь сиял и не мог продолжать от волнения. Петр снова зевнул. Он успел выпить четыре стакана обжигающе горячего кофе со шнапсом в трактире недалеко от церкви, пока мы с Лизой только дули на свой первый и единственный кофе и отхлебывали малюсенькими глоточками. Марк не удостоил напиток вниманием, он вцепился зубами в костяшки сжатого кулака и что-то там шипел про себя, обращаясь при этом *к богом забытому кретину, редкостному идиоту, безмозглому выродку*. В конце концов он выпрямился, шумно вздохнул, взял свой кофе и выпил залпом. Потом улыбнулся. «Еще по стаканчику?»

Петр кивнул, но Лиза воспротивилась — скоро стемнеет, пора возвращаться. К моим ногам постепенно возвращалась чувствительность. Сначала появился зуд в пальцах, потом со всех сторон посыпались уколы, и наконец возникло странное давление, чувство было такое, что ноги вот-вот разорвет изнутри. Я смотрела в окно на сумерки. Зажглись фонари. Пурга. Хлопья как будто поднимало снизу вверх, от асфальта в небо. Петр ушел от нас, болтал с официанткой у массивной деревянной стойки. Официантка несколько раз покачала головой и засмеялась, потом сказала: «Конечно! Конечно!»

Вернувшись к столу, он положил передо мной открытку. «Костницы, к сожалению, нет, но есть святой Христофор. Мы бы его увидели, если бы церковь была открыта». Он положил мне руку на плечо. «Странно, что его изобрази-

ли внутри церкви, обычно рисуют снаружи — ведь его взгляд призван защитить от смерти». Он провел пальцем по одеждам Христофора. «Вот этот вот — семь метров высотой».

Я перевернула открытку:

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

— И на его плечах...

— Все тяготы мира.

— Разве этот малыш не Христос?

— Он.

Марк и Лиза уже поднялись и призывали отправиться в обратный путь. Петр остался сидеть. Сказал, что заказал такси и еще по стаканчику кофе со шнапсом.

Урс дочитал книжку до конца. Эльфи решила все кроссворды. Они забеспокоились. Эльфи даже позвонила в полицию, но там их всерьез не приняли и пожелали *счастливого Нового года*. Эльфи и Урс сели у камина и стали прислушиваться, не идем ли мы; так они прождали много часов, у Урса стало дергаться веко, а у Эльфи начали трястись руки. Когда мы вошли, Эльфи закричала, и мы вздрогнули от ужаса. Таксист, наконец явившись, сказал, что просто забыл о нас. Он уже закончил работать и тут вдруг вспомнил про нас и снова оделся. «И вот я здесь. Столько снега намело, вообще-то цепи нужны, но для последней поездки в этом году нет смысла их надевать, садитесь, пожалуйста». Поездку я уже не помню. Зато помню крик Эльфи. И выражение ее лица. И разочарованный взгляд, который она бросила на Петра, молча направляясь мимо нас в кухню, чтобы — как сообщил нам ее посланник Урс — без помех приготовить фондю. Был уже поздний ве-

чер, когда мы собрались за столом и принялись макать кусочки хлеба в расплавленный сыр. Каждый кусочек мы запивали рюмкой вишневки. До полуночи Эльфи не сказала ни слова. Когда послышался звон церковных колоколов, она вскочила, закричала: «С Новым годом!» и бросилась обнимать всех по очереди, даже меня, несмотря на потерянный сапог. Потом она надела желтый шелковый тюрбан и заявила, что заглянет в наше будущее. Там она увидела нас по парам, увидела наших счастливых детей и даже, на некотором отдалении, но тем не менее отчетливо — так она уверяла — наших внуков. Петр улыбнулся, и Эльфи послала ему воздушный поцелуй. Так закончились этот вечер и этот год.

Прошли годы, и Марк выставил Лизу за дверь, они тогда уже были женаты. Причина — ревность; он заподозрил, что у нее роман с их семейным врачом — она навещала к тому почти каждую неделю из-за нейродермита. Потом Лиза заявила, что Марк ее изнасиловал. Она ушла от него, поселившись на первое время — и это показалось странным не только мне — у его родителей Урса и Эльфи. Детей у них не было. (Все это я узнала окольными путями.)

Я рассталась с Петром спустя год после того года, который начался в Ленцерхайде, осенью, — моя подружка Катрин в один прохладный июльский день рассказала мне, что он мне с ней изменил, год тому назад. Я ему, правда, тоже изменила. Но шашни с Катрин — это предательство, решила я. Потом мы еще время от времени общались, но все реже и реже. «Мне нужно побыть одному», — сказал он, а я была только за.

Один из сыновей плачет. Посмотрим, получится ли у меня выдержать характер, дожидаться, пока муж выйдет из своей комнаты, включит фонарик и пойдет посмотреть, что случилось. Собака выбирается из-под стола и смотрит на меня с укором. «Я не глухая», — говорю я. И пытаюсь не замечать ни плача, ни собаки. В коридоре сталкиваюсь с мужем. «Я посмотрю», — говорит он. «Хорошо», — отвечаю я. Он идет налево в детскую, я — направо, обратно к себе в кабинет. Перечитываю, что написала. Смотрю в окно. Идет снег. Я представляю себе Петра — в открытом окне девятого этажа.

Уже в ночь нашего знакомства, на кухне у общей подружки, которая нас свела, не без умысла, как она потом призналась, он заявил:

— Как только смогу, я уйду.

— Куда?

— Прочь.

— Куда?

Он только раскинул руки в стороны и улыбнулся.